

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

Я. Б. РАДУЛЬ-ЗАТУЛОВСКИЙ

ФИЛОСОФСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В «*DICTIONARIUM LATINO-LUSITANICUM AC JAPONICUM*»¹

«Латино-португало-японский словарь», изданный миссионерами на острове Амакуса (天草) в провинции Хиго (肥後) в 1595 г., представляет совершенно исключительную библиографическую редкость. Это первый словарь, составленный европейцами в Японии и там же изданный.

В настоящее время во всех книгохранилищах мира можно найти, пожалуй, всего несколько экземпляров этого интересного издания.

Единственный экземпляр «Латино-португало-японского словаря», имеющийся в Советском Союзе, долгое время находился в резервном фонде б. Ленинградского восточного института.

В связи с тем, что эта ценная книга не поступила в научную библиотечную обработку, о ней забыли. В 1939 г., исправляя должность хранителя Восточного отделения Библиотеки Ленинградского Государственного университета им. Горького, я учел, при приемке библиотеки б. Восточного института, указания лиц, имевших отношение к упомянутому институту (В. Н. Казина и А. И. Пономарева), и «Латино-португало-японский словарь» был, наконец, найден.

На добавленном впоследствии переплетчиком белом листе имеется надпись, сделанная чернилами, теперь уже выцветшими: «*Библ. I. Гошкевича*». Вполне возможно, что именно этим экземпляром пользовался И. Гошкевич при составлении своего «Японо-русского словаря», изданного в Петербурге в 1857 г.²

«*Dictionarium latino-lusitanicum ac japonicum*» представляет большой интерес не только для филолога, но и для историка японской философии. Он служит важным, правда, весьма односторонним и не менее своеобразным источником для исследователя развития европейских философских идей в Японии в то время.

Неоконфуцианская, именно чжусианская, а также буддийская терминология, имеющая отношение к философии, была хорошо известна в Японии в XVI ст. Чжусианская метафизика, как известно, имела в это время в Японии многочисленных сторонников и последователей. И само собой разумеется, что ограниченная возможность выражения тонких и тончайших оттенков философских категорий и абстрактных построений средствами иероглифического письма в одинаковой мере довлела над японскими, как и над китайскими философами и писателями и связывала их по рукам.

¹ Книга издана в Амакуса в 1595 г. и поступила в июне 1939 г. в библиотеку Ленинградского Гос. университета.

² Известно, что И. Гошкевич плавал вместе с Гончаровым на фрегате «Паллада» и жил довольно долгое время в Японии.

Одни и те же иероглифы-рисунки, служившие для сунских метафизиков графическим средством для выражения своих идей и понятий, служили тем же целям для китайских философов последующих времен, равно как и для японских философов и писателей.

Иероглифы по своей форме оставались неизменными в течение многих столетий, но смысл, который вкладывали различные философы в одни и те же знаки, не мог оставаться одним и тем же. Здесь надо иметь в виду



Рис. 1. Титульный лист «Латино-португало-японского словаря».

не только то обстоятельство, что философы, придерживавшиеся различных идейных направлений, пользовались одними и теми же знаками для выражения своих понятий, но и то обстоятельство, что эти философы жили в самое различное время.

Европейская философская мысль никогда не переживала таких трагических затруднений, какие выпали на долю китайских и японских философов прошлого.¹ Иероглифы, которыми выражены их мысли, никогда не в состоянии были передать тончайшие стороны и оттенки интерпретации даже тех положений, которые китайская традиция считала важным или даже обязательным предметом рассуждений философов. И именно эти тон-

¹ Мы, разумеется, не имеем здесь в виду современный литературный китайский язык, который пережил в течение последних двух десятилетий грандиозную революцию как в отношении научных словообразований, так и в отношении их передачи через посредство сочетаний и комбинаций знаков.

чайшие стороны и оттенки интерпретаций и рассуждений благодаря иероглифическому письму навсегда, безвозвратно погибли для науки. Невозможно, если позволено будет так выразиться, выдвинуть какой-нибудь общий эталон или схематическую кодификацию «зашифрованных» в иероглифах понятий, с которыми в различных модификациях имеют дело китайские тексты, а также японские тексты, написанные камбуном, в течение многих веков.

Несмотря на это, можно сказать, что целый ряд иероглифов, выражающих понятия, касающиеся общих принципов бытия или отношения мышления к бытию, все же ясно расшифровываются без риска допущения больших ошибок в деталях оттенков их объяснения.

В «*Dictionarium latino-lusitanicum ac japonicum*» отсутствуют иероглифы. Он построен по принципу подбора соответствующих японских слов, переданных в своеобразной португальской транскрипции того времени, в данном случае отразившей южный японский диалект. Однако и в этой транскрипции не переданы значения иероглифов, о которых было сказано выше. Только изредка, когда невозможно найти ясный эквивалент термину, даже при условии применения целого ряда японских слов или вспомогательных фраз, авторы словаря прибегают к японскому философскому термину «штампу», который сам по себе, в сущности говоря, требует объяснения. Это обстоятельство опять-таки свидетельствует о том, что миссионеры-иезуиты имели в виду не японскую философскую терминологию, установившуюся в текстах, а передачу средствами японского языка значения европейской философской терминологии в том масштабе, как она представлена в словаре Амброзия Калепини, изданного в Венеции в 1542 г. Алдифом.¹

Но и эта терминология очень часто остается без японского объяснения, несмотря на то, что китайская философская терминология, которой, как правило, пользуются в своих трудах японские философы, дает возможность более или менее удачно объяснить значение термина, выраженного на каком-либо европейском языке.

Слово «философия» объясняется в словаре следующим образом:

«*Philosophia, ae, Lus. Amor, e estudo da sciência, ou philosophia, Jap. Gacumonno suqi, banmotno riuo aqiramuru gacumon*».

Смысл японского объяснения следующий:

«Любовь к науке, наука, освещающая принципы всех вещей».

Точно такое же японское объяснение дано и слову «физика», несмотря на то, что в португальском объяснении говорится уже об «естественной философии» или о «философии природы»:

«*Physica, orum, siue Physica, ae Lus. Philosophia natural. Jap. Banmotno riuo aqiramuru gacumon*» или: «Наука, освещающая принципы всех вещей».

Термин «материя» в философском значении отсутствует, а для слова «идея» не нашлось только японского объяснения, причем португальское объяснение заменено латинским:

«*Idea, ae, est prima rerum species, & inchoata intelligentia*».

Буквальный перевод этого объяснения показывает его поразительную неуклюжесть:

«Идея. Первичный вид вещей и начатое понимание». О методологических основах этого, с позволения сказать, объяснения и говорить не приходится.

¹ Ambrosii Calpini. *Dictionarium multarum dictionum additione et explatione locupletatum, multisque item vindicatum ab erroribus, qui lectorem latinae linguae peritum offendere potuissent. Paulus Manutius Aldif, Venetiis, MDXXXXII.*

Зато слово «логика» объяснено совершенно особенным образом:

«Logica, ae. Lus. Logica. *Jap. Logicato yu gacimon*» или: «Наука, называемая логикой».

Термин «логика» совсем не был распространен в то время в Японии. Его значение могли знать только отдельные японцы, имевшие связь с европейцами. При этом, разумеется, совершенно необходима была специальная подготовка или образование. Китайские и японские термины, которые в то время могли служить в качестве выражения понятия «логика», совсем не были идентичны с тем, что вкладывается европейскими мыслителями в смысл науки логики.

Слово «силлогизм» совершенно оставлено без японского объяснения:

«*Syllogismus, d. Argumenti firmissimi genus ex duobus pronuntiatis conclusionem necessario inferens*, т. е. «Род сильнейшей аргументации, которая с необходимостью извлекает заключение из двух суждений».

Авторы словаря не нашли соответствующих японских слов для передачи значения слов «заключение» и «суждение».

Напротив, для объяснения слова «*spiritus*» в словаре применено почти эквивалентное японское слово.

Слово «*Animus, i. Lus. Anima rational*» объяснено по-японски: «*Chiye, funbetno reitai*» (дух мудрости и суждения). Почти такое же объяснение дано и для слова «*mens*» (разум).

Слово «*sophia*» также объяснено по-японски «*chyie, gacimon*» (мудрость, наука).

Таковыми же средствами, т. е. словами и выражениями, совершенно отличающимися от терминологии, принятой в традиционных текстах камбуна, авторы словаря объясняют, например, также и слова «*sophisma*», «*sophistica*».

Слово «*sophistica*», например, объяснено по-японски следующим образом: «*Fito uo iytçumuru doriuo voxiyuru gacimon*» (наука, обучающая принципам, лишаящим человека возможности возражать).

Удивительным нужно считать тот факт, что слова, имеющие почти совершенно точный эквивалент на японском языке, также не получают японского объяснения в философском плане. К примеру можно указать на слова «*abstractum*», «*abstractus*», для которых существует вполне рельефный эквивалент «*keijejo*» (японское чтение знаков 形而上) — термин, заимствованный из текстов великого китайского метафизика XII столетия Чжу Си и до сих пор существующий в японской философской литературе.

Все сказанное выше подтверждает три положения, разделяемые современными передовыми японскими исследователями.

Во-первых, миссионеры-авторы «Латино-португало-японского словаря», пренебревшие японской философской терминологией, заимствованной из соответствующих китайских текстов, оказались не в состоянии объяснить большинство основных философских понятий средствами обыденной японской речи, несмотря на то, что они, повидимому, прибегли к содействию наиболее образованных японцев из числа сочувствовавших проповеди иезуитов и обученных в специальной школе, созданной миссионерами в Амакуса.

Во-вторых, японцы в то время еще не были знакомы с европейской философией и критического подхода к японскому объяснению европейской философской терминологии здесь еще не существовало.

В-третьих, миссионеры — авторы словаря — вовсе не были заинтересованы в распространении философских сведений, которые отвлекали бы пытливые умы от догматического христианского канона в область критической, философской мыслительной работы.

Современный японский исследователь Цуцуми Кацухиса в своей работе «Обзор научных и философских идей во второй половине периода Эдо», помещенной в органе Научного общества по изучению материализма «Материалистические студии»,¹ связывает причины непреуспевания японцев времен токугавского режима в области ознакомления с европейской философией прежде всего со свойственным им духом практицизма, с чем не приходится полностью соглашаться, а также с деятельностью миссионеров, мешавшей этому ознакомлению.

«Проникновение культуры Запада на Восток, — пишет он, — в период ее введения сюда, произошло через Китай. И особенно идеи Запада органически смешивались и сплетались с идеями китайских мыслителей и с другими идеями и так воспринимались благодаря посредничеству посланных из Рима и назначенных для проповеди итальянских миссионеров. В течение XVI и XVII вв. в Пекине являлись резидентами миссионеры James Rho (羅雅谷), Sambiasi Francesco (畢方濟), Nicholaus Longobardi (龍華民), Sabbostin de Ursis (熊三拔), Jules Aleni (艾儒略) и другие итальянцы. Вместе с известным Matteo Ricci это были люди, которые вредили достижениям, полученным благодаря распространению астрономических знаний. Целью этих людей было распространение христианства (что, разумеется, не стояло отдельно от колонизаторских планов передовых европейских государств), и нечего думать, чтобы они распространяли философию, которая прямо связана с выводами опытных наук и их результатами, направленными против их (миссионеров. — Як. Р.) догм. Уже в тот период, когда в Китае проповедывали эти люди, известна была философия Фрэнсиса Бэкона, Якова Бёмэ и Гоббса. А в Японии в это же время те, которые домогались передовых научных знаний, обращались к астрономии, физике и медицине. Уже были знакомы с Коперником, Гассенди, Ньютоном, Галлейем и чувствовали расположение к ним, но как философов их, повидимому, почти еще не знали».

Правильные, в основном, слова Цуцуми относятся, разумеется, и к ранней деятельности миссионеров в Амакуса, где был издан «Латино-португало-японский словарь».

«*Dictionarium latino-lusitanicum ac japonicum*» не проникнут идеей ознакомления японцев с передовой европейской философией того времени. Напротив, как уже было сказано выше, в нем красной нитью проходят намерения иезуитов помешать развитию ее идей в Японии.

¹ 堤克久。江戸中期以後の科。哲學思想の既觀°
„唯物論研究“。март, 1937, № 53, стр. 72—83 (430—441).